ОТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА – К ЯЗЫКУ ИСТОРИИ:

на память академика Олега Николаевича Трубачёва (1930–2002)

Н.В. Масленникова

23 октября 2010 г. исполнилось 80 лет со дня рождения великого русского филолога академика О.Н. Трубачёва (1930–2002).

Простота и скромность, честь и честность, доброта и порядочность, справедливость, искренность, «бойкий русский ум», гениальность, сопоставимая разве что с пушкинской, «вещий дух и добрый смысл», взвешенное национальное самосознание, преклонение перед своим народом и Отечеством, «высокое служение славянам», бескорыстное отстаивание Истины и «поиск абсолютного добра» – таковы, пожалуй, важнейшие черты личности ученого.

Широта его исследовательских интересов была поразительной. Какой бы области гуманитарных наук ни касался Олег Николаевич, везде мысль его оказывалась новой, часто неожиданно-остроумной, пронзительной, своеобычной; независимость суждений, тонкая интуиция, блестящий литературный и полемический дар – все это приметы *трубачевского стиля*. И все же этимология стала главным предметом его научных изысканий. Знание более чем 50 языков[*], в том числе древних, «мертвых» стало тем необходимым инструментом, «саблей вострою», который помогал безошибочно добираться до самой сути слова, делать поразительные научные открытия в области славянских и индоевропейских древностей, этногенеза славян, русской культуры. Как-то, раздумывая над работой лексикографа, Трубачёв заметил: «Мы по-прежнему представляем себе слишком схематично и неизбежно упрощенно, скажем, те же древние славяно-иранские отношения как отношения двух монолитов, здесь найдется работа и для этимологии, и для лингвистической географии. Золото скифов поныне лежит в земле. Другие народы давно населяют эту землю, но до сих пор называют они реки юга… России этимологически скифскими, сарматскими, алано-осетинскими именами. Скифский мир с его языком и культурой не исчез без следа, он растворился и ушел в нас, живущих и населяющих эти обширные пространства. Это – часть нашего самосознания, часть нас самих. Я не стану цитировать Блока, скажу лишь, что *нет дела почетнее и труднее, чем дело раскрытия истоков*,

[*] Заметим, что в архиве в работах ученого О.Н. Трубачёва после его кончины были обнаружены ссылки на 63 языках.

питающих наше самосознание (курсив наш. – *Н.М.*)… В этом – глубинный смысл этимологии – “науки об истинном”»[1].

Действительно, судьба слова, его происхождение распахивают перед нами глубинные тайны народного домостроительства; безусловно, язык есть самый правдивый источник и свидетель истории народа, и как просто эта истина выражена в известном афоризме А.А. Ахматовой:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль,
И долговечней – царственное слово.

Отстаивая теорию дунайской прародины славян (о чем еще в начале XIX в. размышляли и В. Копитар, и П.-Й. Шафарик) в фундаментальном исследовании «Этногенез и культура древнейших славян»[2] (которое явилось обобщением серии журнальных публикаций под названием «Языкознание и этногенез славян»), ученый, в частности, писал: «Этимологические разыскания выдвигают на первый план центральноевропейские связи славян (преимущественно с древними италийцами), причем балты оставались длительное время в стороне. Лишь после миграции балтов и славян намечается их сближение, приводящее к позднейшему соседству. Уязвимы выдвинутые в последнее время теории балтоцентристской ориентации всего индоевропейского комплекса Европы; более вероятна относительная периферийность балтийского. Постепенно становится ясным, что славянская проблематика в гораздо большей степени является продолжением индоевропейской, чем принято было думать; для проблемы славянской прародины весьма существенны указания на связь древнеиндоевропейского ареала также с дунайским регионом». Защищая свои позиции, Трубачёв рассматривал среднеднепровский славянский ареал (откуда затем вышли все восточные славяне) как периферию, «а не как центр всего славянского этноязыкового пространства. Вторично освоены были славянами и польские территории, по свидетельствам ономастики, вопреки польской автохтонистской теории висло-одерской прародины славян. *И польские, и серболужицкие земли заселялись славянами с юга.* В жизни праславян существовал период, когда макроэтноним *славяне* еще не требовался… Этот период отсутствия у славян на Дунае макроэтнонима ученые неправильно истолковывали как отсутствие славян на Дунае. О древнем наличии славян по

[1] *Трубачёв О.Н.* Размышления о словарях и личности лексикографа // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 113–122.

[2] *Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М., 1991 (2-е изд., доп. М., 2002). В 2001 г. Президиум РАН присудил академику Трубачёву премию им. А. С. Пушкина.

Среднему Дунаю, то есть в Венгрии, говорит разнообразная древняя славянская топонимия страны…». Критически рассматривал Трубачёв и современный диалог между археологией и сравнительным языкознанием, он утверждал, что «попытки точно датировать “появление” праславянского языка теряют свою актуальность в языкознании. Правда, умами многих ученых еще владеет традиция поздно датировать все славянское, считать славянский “молодым языком”. Однако можно думать, что, например, балто-славянские языковые отношения постэтногенетичны для праславянского как уже сложившегося языкового типа с процессами, отличными от балтийских… Именно славяно-кельтские контакты, разработка их следов и их локализация, кажется, могли бы помочь выработать компромиссный вариант между такими принципиально разными концепциями, как польская автохтонистская теория славянской прародины и новый, современный вариант дунайской прародины славян», который и выдвигал исследователь[3]. Во втором издании труда «дунайская» или центрально-европейская теория локализации древнего ареала славян была подкреплена новыми аргументами и доказательствами; расширен диспут с критикой, хорошо знакомой с прежними исследованиями Трубачёва; важным представляется аспект реконструкции праславянской культуры (второй и третий разделы). Итак, автор подверг существенному пересмотру, казалось бы, уже устоявшиеся взгляды на формирование языка и культуры древнейших славян, проблемы славянского этногенеза и прародины славян; выдвинул свою концепцию, углубляющую хронологию образования праславянского языка и этноса.

Пронзительно уловил смысл трубачевского делания поэт Ю. Лощиц. Его стихотворение «Невод» (2000 г., к 70-летию О.Н.), написанное в форме монолога мысли ученого заканчивается такими словами:

Закину я невод,
шелковые сети
до неба,
до недра,
до дна и до выси,
до самой до сути –
до Божией мысли[4].

Сокровенный замысел Творца о человеке незримо и промыслительно устраивал судьбу О.Н. Трубачёва. С младых ногтей проявилась у него неодолимая тяга к языкам, к чтению: он самостоятельно выучил немецкий, польский, затем английский, французский… Учил упорно, целеустремленно – усваивал легко,

[3] *Трубачёв О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 2002. С. 5–7.

[4] Эти стихи открывают посмертное (второе) издание одного из важнейших трудов Трубачёва «Этногенез и культура древнейших славян».

воистину, то было апостольское призвание, и стал он разуметь *всякую речь человеков*. Еще в студенческие годы будущий академик увлекся сравнительным языкознанием, тогда-то у него и возникла идея полной, насколько это возможно, реконструкции праславянского лексического фонда. Задуманный Трубачевым «Этимологический словарь славянских языков»[5] (выходит с 1974 г., на сегодняшний день издано 35 т.) стал новым явлением в отечественной и мировой славистике; одновременно осуществилась его заветная мечта – сопоставить славянские языки в синхроническом и диахроническом разрезе. Но следует отметить, что прежде чем начал выходить этот словарь, Трубачёв завершил почти десятилетний труд над переводом с немецкого «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера (в 4 т. М., 1964–1973). Интерес к Словарю превзошел все ожидания – тираж немедленно был раскуплен, а само издание стало библиографической редкостью. Надо сказать, что опыт этой работы оказался неоценимым: ведь переводчик-исследователь и существенно дополнил Фасмера, ввел новые этимологии, расширил список литературы и проч., в результате его прибавления составили почти целый том. О.Н. Трубачёв очень ценил «русского Фасмера» и в Послесловии к первому тому второго издания, упоминая уже о работе над «Этимологическим словарем славянских языков», в частности, писал: «Словарь этот охватывает все предположительно древнее лексическое богатство *всех* живых и мертвых славянских языков. Ясна не только научная, но и общественно-культурная важность такого труда… На этом достаточно обширном древнем славянском фоне особенно впечатляет огромность собственно русского лексического вклада. И по-прежнему нельзя не сказать о чувстве неизменной признательности, которое испытывают к Фасмеру и его словарю практически на каждом шагу своей работы составители “Этимологического словаря славянских языков”. Не будь своевременно выпущен труд Фасмера, наши дальнейшие

[5] «На основе коллективно составленной картотеки весь текст словаря пишет Трубачёв. Этим объясняется однородность всех элементов словаря, его цельность, единство в подаче материала и его семантического и словообразовательного анализа. Такого единства нет в польском этимологическом словаре, выходящем под общей редакцией Ф. Славского. <…> Под руководством Трубачёва работать трудно, ибо он требует полной отдачи сил, четкой организации труда, точного выполнения всех планов. Это однако никогда не вызывает нареканий или обид, так как к самому себе он относится еще строже. Во многих отношениях О.Н. может служить примером» (*Бернштейн С.Б.* Олег Николаевич Трубачёв: к 50-летию со дня рождения // Академик Олег Николаевич Трубачёв: очерки, воспоминания, материалы. М., 2009. С. 192). До 13 тома включительно весь текст словаря принадлежит О.Н. Трубачёву; далее словарь писался в соавторстве с сотрудниками Сектора этимологии Института русского языка РАН. Этот труд в 1995 г. был отмечен золотой медалью им. В.И. Даля.

исследования были бы во многом поставлены под вопрос. Преемственность поколений в науке и зависимость последующих успехов от первых надежных шагов предшественников – это вещи в общем понятные»[6].

Академик В.Н. Топоров замечательно точно охарактеризовал исследовательскую работу О.Н. Трубачёва: «Геродота греки называли “отцом истории”… В этом смысле и Олега Николаевича Трубачёва смело можно было бы назвать “отцом русской этимологии” в ее предельно полном виде, осуществившим тотальный подход к этой области знания и исследуемому материалу. И именно в этом пространстве и на этом уровне так тесно и органично сплетаются тайны человека и познаваемого им мира явлений, в отношении которого человек и этимолог выступает, по сути дела, как ономатет, не только дающий всему имена, но и познающий самого себя в зеркале имен. По ступеням этого познания нас ведет великий проводник Олег Николаевич Трубачёв»[7].

По существу, Трубачёв создал Московскую этимологическую школу, он произвел настоящий переворот в понимании задач этимологии, сформулировал ее исторические принципы. Колоссальная эрудиция выдающегося ученого-лингвиста позволяла ему как бы снимать «одежки», различные наслоения времени со *слова* и вскрывать его изначальное значение, но не только – ибо поиск истоков всегда заставлял рассматривать *слово* как важнейшую единицу той культуры, в рамках которой оно *жило*. Поразительно, но, реконструируя языковые реликты, Трубачёв умел *вдохнуть в них дыхание жизни*. Оплотнить, сделать видимыми, почти осязаемыми; а потому путешествия в глубины истории под водительством Трубачёва более чем увлекательны. Этимологические изыскания ученого стали фундаментом современной науки о происхождении слов. Долгие годы (1961–2002) он был заведующим Отделом (до 1986 г. – сектор) этимологии и ономастики в Институте русского языка им. академика В.В. Виноградова РАН, с 1966 по 1982 г. служил заместителем директора Института русского языка; с 1963 г. начал издавать ежегодник «Этимология», являлся главным редактором журнала «Вопросы языкознания», возглавлял Национальный комитет славистов России (1996–2002).

После краткого обзора научного наследия академика О.Н. Трубачёва нельзя не вспомнить о его исследованиях проблем Азово-Причерноморской Руси. Его

---

[6] *Трубачёв О.Н.* Послесловие // *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986–1987. Т. 1. С. 567–568.

[7] *Топоров В.Н.* Слово о Трубачёве // Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 9.

«Indoarica…»[8] – явление исключительное в мировой индоевропеистике. Ученый поставил перед собой сложнейшую задачу, связанную с реконструкцией реликтов языка индоевропейского населения Приазовья. Замысел этой работы относился к 1973 г. На протяжении двух десятков лет Трубачёв методично обращался к данному вопросу; но уже в первой публикации[9] заявил, – оговорившись, правда, что обобщения целесообразно отложить на будущее, – «что уже сейчас, при всей скудости данных, можно, опираясь на доступный эпиграфический и ономастический материал из этих районов, предположительно говорить об особом индоевропейском языке синдо-меотских племен восточного Приазовья и Таманского полуострова с наличием в нем черт, противопоставленных иранским языковым особенностям как в лексике, так и в словообразовании и фонетике». Итак, ученый выдвинул принципиально новую концепцию индо-иранского изначального размежевания, сосуществования и окончательного раздела в припонтийских областях. Его открытие заключалось в том, что на юге Русской равнины было обнаружено присутствие одной из ранних форм *индоарийского языка*: на пространстве от Северного Кавказа до Закарпатья, Дакии и Трансильвании; и соответственно была установлена индоарийская, т.е. собственно индийская принадлежность синдов и меотов. В книге более конкретно показаны связи и различия межу индоарийским и иранским языками в данном ареале, кроме того, обозначены связи языка «причерноморских ариев» с северокавказскими, тюркскими и, что особенно важно, славянскими идиомами. Ученый утверждал, что «между древнейшими местами обитания славян… и древним культурным районом Северного Причерноморья существовали связи, и следы этих связей сохранились. Более того, названные связи, по крайней мере отчасти, относятся к индоарийскому компоненту северопонтийского населения [поскольку славяне вышли к берегам Черного и Азовского морей в V–VI вв. Тогда еще существовали древние боспорские города и синдомеотский элемент в них еще не совсем угас – с. 59]. Наши наблюдения над реликтами этого рода касаются: 1) этнонимов (хорваты, сербы. – *Н.М.*); 2) культурной лексики (серебро. – *Н.М.*); 3) сведений о берегах Черного моря (Керчь. – *Н.М.*)»[10]. Автор коснулся здесь и сложной проблемы

[8] См.: *Трубачёв О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. Отметим, что «Indoarica…» – это не только название книги, но и целое направление в науке, новая ветвь знаний о древности южнорусского региона, включающего весь Крым и северо-западный Кавказ.

[9] *Трубачёв О.Н.* Temarundam “matrem maris”: К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Античная балканистика, 2: предварительные материалы. М., 1975. С. 38–47.

[10] *Трубачёв О.Н.* Indoarica... С. 54.

происхождения этнонима *Русь*[11], во всяком случае, он высказал твердую уверенность, «что продолжать искать надо именно тут, потому что при этом открываются связи имени *Русь* и значение его прототипа, как будто исключающие его германскую этимологию»[12]. Таким образом, лингвистическая картина данного региона не только усложнилась, но на ней появился новый рисунок языковых и этнических контактов. Не имевшие письменности синды и меоты Приазовья, тавры Крыма «заговорили», а результаты реконструкции языковых реликтов позволили сделать еще один любопытный вывод: «таинственные жестокие тавры должны были говорить на индоарийском диалекте»[13]. Эти открытия позволили сделать новые этимологии древних названий мест и имен людей. Все эти наблюдения, безусловно, важны для самопознания русского народа. Как замечал в свое время историк Штриттер: «Не безполезно такожде и для любителей российской истории знать похождение того народа, который в древние времена имел жительство в соседстве, или паче в пределах России, хотя бы после того и совсем в другую часть света он преселился»[14].

Оценивая сей труд академика Трубачёва, другой крупнейший лингвист нашего времени академик В.Н. Топоров писал: «Книга О.Н. Трубачёва – весьма важное событие в науке. Главный объект книги – язык, доселе остававшийся неизвестным, но присутствовавший в качестве неопознанных следов в других языках. Опознан этот язык автором книги, и – парадоксально – с помощью самого этого языка, и, значит, язык-объект открыт с помощью того же языка-средства, инструмента. Но для такого открытия-реконструкции нужно было еще до всего этого обладать двумя необходимыми качествами – глубокой проницательностью, учитывающей все, что может относиться к этноязыковой истории соответствующего ареала, и выдающейся интуицией. И то и другое у автора было. И еще нужны были трудолюбие, жесткая последовательность и исследовательский оптимизм, чтобы буквально по крупицам создать полноценную картину далекого прошлого с той степенью густоты, подробности, которая позволяет с уверенностью сказать – цель достигнута, открытие состоялось»[15].

«Высокое служение славянам» Олег Николаевич осуществлял и на поприще научно-просветительском. Он выступал с лекциями в лексикографическом

---

[11] Позже О.Н. Трубачёв вновь вернулся к этой проблеме, посвятив ей специальный очерк «К истокам Руси. Наблюдения лингвиста» – см.: *Трубачёв О.Н.* В поисках единства. М., 1997. С. 184–265.

[12] *Трубачёв О.Н.* Indoarica... С. 57

[13] Там же. С. 45.

[14] Там же. С 47.

[15] *Топоров В.Н.* Предисловие // *Трубачёв О.Н.* Indoarica…

семинаре «Славянский мир» (рук. д-р филол.н. Г.А. Богатова), на факультете иностранных языков МГУ (декан проф. С.Г. Тер-Минасова), охотно принимал участие в «Сергиевских» и «Кирилло-Мефодиевских чтениях» МГУ (рук. канд. филол. н. Н.В. Масленникова), читал лекции по этимологии и ономастике в Институте русского языка РАН, Московском гос. педагогическом университете, университетах Пскова, Смоленска, Рязани, Твери, Днепропетровска, в ряде университетов Финляндии, ФРГ, США. Начиная с 1984 г. он неоднократно выступал в газете «Правда», тогда имевшей многомиллионный тираж, с научно-популярными статьями по русско-славянской проблематике, в журнале «Дружба народов». Их отличал всегда высокий профессионализм, доходчивость изложения, патриотизм, тактичность, весомая аргументация. Много откликов он получал от простых русских людей, живо интересовавшихся судьбами русского народа и братьев-славян. Как правило, люди относились с болью и пониманием к острым вопросам нашего национального бытия, однако, с известным раздражением и недоверием эти статьи были восприняты либеральной, частью академической, общественностью. Доходило иногда и до откровенных недоразумений, резкого неприятия позиции Трубачёва – уж слишком русским он был да еще с искрой Божией! – в частности, со стороны академиков В.В. Иванова, В.Л Янина. Заслуги Олега Николаевича стремились замалчивать или искажать[16], увы, но продолжается

[16] См., например, письмо Трубачёва к В.А. Дыбо в связи с искажениями оригинала при переводе книги Х. Бирнбаума «Праславянский язык: достижения и проблемы его реконструкции. М., 1986». В частности, редакторы (В.А. Дыбо и В.К. Журавлёв) опустили следующий пассаж, где ученый оценивал научные достижения Трубачёва в славистике: «Важный вклад Трубачёва в предысторию славян основан на всестороннем, хотя и виртуальном пересмотре доступных наблюдению лингвистических данных и существующих гипотез. Это довольно сжатая характеристика недавней работы советского лингвиста дается здесь как показательный пример многих захватывающих направлений и путей, открытых для будущего исследования даже на существующей стадии нашего научного знания и методологической изощренности»; постарались избавиться при переводе от одобрительных эпитетов Бирнбаума в адрес Трубачёва…» (см.: Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 136–139). Резкую отповедь В.В. Иванову, считающемуся теперь, после ухода корифеев, первым лингвистом и получившему директорство в Институте мировой культуры МГУ, по вопросу о *языковом союзе* Трубачёв дал на страницах журнала «Дружба народов» (1988. № 9. С. 261–264). Он указал на нечистоплотные манеры сего академика: «Пример: Вяч. Всев. Иванову “основное направление рассуждений О.Н. … напоминает плохие времена” (!) Лично мне манера “разоблачать” мои научные заблуждения тоже что-то напомнила и тоже – из нехороших времен, с которыми В.В. Иванов себя, конечно, никак не ассоциирует. Полноте, не скромничайте, вы же родом из того самого незабвенного прошлого, от которого отпихиваетесь теперь руками и ногами: те, кто ратует против “навешивания ярлыков” и

это и поныне. Видно, гениальные прозрения русского ученого, даже оставившего мир земной, все страшат некоторых граждан[17].

«Олег Николаевич Трубачёв был великим языковедом XX и самого начала XXI в., всемирно признанным этимологом – разведчиком древнейших корней славянской речи, “человеком словаря”, – вспоминал хорошо знавший его поэт Ю. Лощиц. – Но памятен он и долго будет любезен русскому и славянскому читателю также и тем, что, уже став ученым с мировым именем, не замкнулся в академическом коконе, но с энергией возвращенной молодости стал искать пути к самой широкой аудитории. Скорее всего, таким рубежом в его творчестве можно считать 1984 год, когда опубликованная в “Правде” статья “Свидетельствует лингвистика” открыла миллионам читателей Трубачёва-публициста[18]. В итоге ученый оставил нам не только тома монографий, словарей, сотни выступлений в специальных филологических изданиях, но и богатое, несмотря на свою сравнительную компактность, публицистическое наследие. Именно это наследие не в последнюю очередь подсказывает нам, что мы вправе говорить об О.Н. Трубачёве как о великом гражданине России и выдающемся славянофиле наших дней»[19].

Цикл статей Трубачёва «Славяне, язык, история» в 1988 г., а также ряд его монографий[20] выдвигались на соискание Государственной премии СССР в остро

“публичных доносов”, а глядь – и сам навешивает…; все те, кто – послушать их – демократ на демократе, плюралист из плюралистов, гуманист, а попробуйте возыметь свое мнение, вразрез с ихней группой, которая еще, к примеру, возомнила себя влиятельной в науке или около науки, попробуйте и вы меня поймете: эти же самые плюралисты обернутся такими душителями инакомыслия…» (см.: Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 152–158).

[17] См., например: Аналитический доклад Московского бюро по правам человека с характерным названием «Мифы современного расизма в РФ» (www.antirasizm.ru/lv/publ_028.doc). Вместе с академиком Трубачёвым в расисты попали и академик Б.А. Рыбаков, и Ю. Чивилихин со своим романом «Память», а заодно там же упоминается и одиозная компания под названием «Память» и еще ряд неких «неоязычников».

[18] Поясняя необходимость выступления в широкой печати, О.Н. замечал: «Речь идет о том, что могло сохранить и развивать национальное самосознание, а, значит, помочь человеку познать самого себя, что во все времена считалось вершиной всякого серьезного знания, и, если в наш технически и экономически ориентированный век заметна тенденция об этом забывать, тем острее надобно писать и напоминать об этом» (см.: Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 140).

[19] *Лощиц Ю.М.* Человек словаря // Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 440.

[20] См.: *Трубачёв О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959; *Он же.* Происхождение названий домашних

дискуссионных условиях; академический синклит отклонил сие предложение. Думается, по одной простой причине – ведь Трубачёв своим весомым искренним словом очень легко пробуждал мысль, заставлял русского человека вспомнить и свою историю, и культуру, великость и величие, пробуждал национальное самосознание и возвращал достоинство истерзанному за вековое унижение народу русскому. Именно это совсем не нужно «гражданам мира», как не нужно ни французское, ни германское, ни сербское… национальное «я», особенно в русле политики «нового мирового порядка», так называемой глобализации, одна из целей (может быть, важнейшей) которой – уравнивание человечества, разрушение национальных стереотипов мышления, традиций народов, их верований, обычаев, трансформация особости национальных мировоззрений и нравственных ценностей в некую аморфную «общечеловеческую философию» потребительства, удовольствия и бытового комфорта, создание некоей «общечеловеческой культуры». Очевидное богоборческое начало этого проекта, разумеется, приведет человечество к уничтожению и, наоборот, лишь отрицание этой тоталитарной модели позволит народам пойти по пути подлинного объединения. Это хорошо понимали и русские мыслители недавнего прошлого. В частности, кн. Н.С. Трубецкой писал в свое время о невозможности «общечеловеческой культуры, одинаковой для всех народов»; он справедливо утверждал, что «культура должна быть для каждого народа другая». Общечеловеческая культура «при пестром многообразии национальных характеров и психических типов… свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особы»[21]. Между тем все чаще СМИ и различные «народные витии» грозят нам этой самой «общечеловечностью». Одна из примитивных уловок затягивания русских и других славян на сию стезю состоит в постоянном навязчивом приглашении нас в Европу, де выгоды будут ощутимые. Но что за этим стоит? Уроки «европеизации» в прошлом слишком дорого обошлись России (тут и реформы Петра, и Екатерины… и большевики). Увы, народ, в массе своей плохо знающий свою историю, «клюет» на эти посулы. «При европеизации, – отмечал Трубецкой, – происходило сначала разрушение духовных основ национальной

животных в славянских языках. М., 1960; *Топоров В.Н., Трубачёв О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; *Трубачёв О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; *Он же.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 289.

[21] *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 111.

культуры одновременно с прививкой отдельных внешних черт европейской культуры, затем постепенная прививка духовной европейской культуры»; а далее подчеркнул: «Затаенной мечтой всякого европейца является полное обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных и обособленных национальных обликов и культур, кроме одной, европейской, которая сама является национальной… но желает прослыть общечеловеческой»[22].

Однако славяне издавна живут в Европе, в конце концов, ее географическая граница проходит по Уралу, Волге, и Крым – Европа. А за этим приглашением нас в Европу просматривается тенденция как раз разделения славян и Европы, своего рода выталкивание, стремление как раз *подчинить* «Европе». На это обстоятельство не раз указывал в публицистических статьях и выступлениях и академик О.Н. Трубачёв. Вот и в эссе «Славяне и Европа» он, среди прочего, замечал: «Как славист-компаративист я имею дело с реконструкцией, при которой очень многое вторичное отпадает. Остается, быть может, главное: *древнее обитание славян в Европе, близко к ее дунайскому центру*, т.е. то, во что верили и пытались обосновать фактами поколения Шафарика и Палацкого, повторяя мысль последнего о чешском народе: “Мы были до Австрии, мы будем и после Австрии”. Почти столь же постоянно я имею дело с многоликой тенденцией – *вытолкнуть славян из Европы*. Этим занимались и публицисты от науки, и просто публицисты, а порой и серьезные ученые. Любопытно, что феномен “*выталкивания славян из Европы*” временами сменяется, перемежается с демонстративными акциями *“вхождения славян, русских в Европу”* – то ли при Петре I, при Екатерине ли II, или при нынешних, когда Европу, впопыхах, путают с НАТО. Всему этому сопутствуют терминологические всплески, которые моя наука фиксирует и даже знает им цену… (например, судьба пары терминов “русский” – “российский”, второй из них этнически безликий и потому насаждаемый)»[23].

Разумеется, этот и целый ряд других важных вопросов поднимались в означенном выше цикле статей. Поскольку проблематика их остается весьма актуальной и сегодня, хотя со времени споров прошло 25 лет, четверть века! Война же против славян, объявленная в европейской печати Марксом и Энгельсом еще в 1848 г.[24], похоже, идет полным ходом, – придется напомнить о некоторых важных положениях академика О. Н. Трубачёва.

---

[22] Там же. С. 265, 281.

[23] *Трубачёв О.Н.* В поисках единства. М., 2005. С. 241.

[24] В известной статье Энгельса «Борьба в Венгрии» сделаны совершенно откровенные заявления. Автор противопоставляет «трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 175), говорит о «16

«1. История славян накрепко связана с Европой. Это одна из реальностей жизни и сознания… всех славянских народов. В Европе их предки более одиннадцати веков тому назад приобщились к великой греко-римской культуре. Но в этой же самой Европе они жили значительно раньше.

2. Разгаданное наукой замечательное свойство языка – изменяясь, оставаться самим собой – помогает раздвинуть рамки познаваемой истории. Роль свидетельства языка неоценима и в области изучения прошлого славян.

3. Историческая наука во многом базируется на письменных источниках, но эти источники составлялись людьми своего времени и своих интересов. Римские и греческие источники трактуют о славянах, как правило, руководствуясь корыстными государственными и военными интересами… и не столько о славянах, сколько против славян… когда славян нарекали то «скифами», то «гуннами». Кажется ясно, как важно не принимать на веру многое в подобных реляциях. Тем не менее… унаследовали многое удобное из этого античного видения славян, и такие воззрения живут… в серьезных трудах на Западе (но не только).

4. Если бы мы не обратили должного внимания на данные языка, мы просто не знали бы всей исторической правды, которая состоит в том, что славяне ни в чем особенно не отставали от других современников по родоплеменному строю. В частности, они имели свои древние названия копья, щита и стрелы. Больше того: рассказы древних писателей о пеших славянах, почти не знавших конницы, просто перечеркиваются свидетельствами языкознания о древности славянских названий седла и стремени. А это уже говорит не просто о езде верхом, но о кавалерийских усовершенствованиях, которых Запад долго не знал. При Александре Македонском, Юлии Цезаре и много позже там ездили, сидя “охлюпкой”, как сказал бы Даль.

миллионах фанатизированных славян», «славянских варварах», о нациях революционных, носителях прогресса – спрашивается только, для кого? (немцы, поляки, мадьяры) – и контрреволюционных (все славяне, кроме поляков, румыны и трансильванские саксы). Всем нереволюционным «большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции» (там же. С. 179), или глобалистских процессов? Продолжает Энгельс порицать славян за «некультурность» и заключает, что «панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо *русский* кнут» (там же. С. 182). Южных славян он именует «обломками народов» и утверждает, что они обнаружили «реакционный характер» задолго до 1848 г., предвещает восстание «французского пролетариата» и «всеобщую войну, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций. В ближайшей мировой войне, – заключает классик-пророк, – с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы (т.е. славяне. – *Н.М.*). И это тоже будет прогрессом» (там же. С. 186).

5. Менандр Протектор включил в свое сочинение речь вождя склавинов (славян), исполненную дерзкого вольнолюбия и обращенную, между прочим, к аварам… специалисты обратили внимание, что в то время, как славянские ученые обычно цитируют это место, ученые других стран его опускают. Не потому ли, что оно не вставляется в образ покорных славянских масс, неспособных к коллективным действиям, подчиненных аварам и под аварским командованием занявших Балканы? Здесь все неверно – и исторически, и хронологически, и лингвистически.

6. …например, научный миф о древних славянах, не знавших первоначально якобы ни порядка, ни культурного скотоводства и обязанных в том и другом германцам и аварам-тюркам, хотя и был создан славянским ученым, но – в рамках Австро-Венгерской монархии. Как все это напоминает более новые “научные” сценарии о хазарском господстве, благоприятном будто бы для развития восточноевропейской торговли, о “культурном вкладе” ордынского владычества на Руси…

7. … общим местом некоторых исторических сочинений оказывается утверждение о культурной отсталости славян… даже об извечной их отсталости. А между тем нельзя не видеть, что, когда недоброжелательный к славянам стратег Псевдо-Маврикий говорит: “Вместо городов у них болота и леса”, то это несовместимо с картиной богатой материальной культуры древних славян, восстановимой, в частности, лингвистически. Достаточно сказать, что у древних и древнейших славян было название города в смысле огражденного поселения (живые по сей день слова *город, град* и т.д.) и оно не только праславянское, но и праиндоевропейское.

8. Индоевропейцы – еще более обширная языковая совокупность, куда входят также и славяне и их языки, входят как самостоятельная ветвь. После того как великий чех Иосиф Добровский ликующе провозгласил еще в начале XIX в.: “Славяне есть славяне!” утекло много воды, и были накоплены горы лингвистических фактов, говорящих о правоте этих слов. Но вопрос хотят закрыть, и на новом, качественно более высоком, уровне науки нас вновь стремятся вернуть к архаической концепции вторичности происхождения славян и их языка от какого-либо другого, “более древнего” языка и народа.

9. Раньше, подражая средневековым авторам, выводили, например, славян от скифов, действительно живших на юге России в древности… Говорили же скифы на иранских наречиях, короче, были предками современных осетин. Но на этом дело не кончилось. С некоторых пор муссируется отношение славянских языков к балтийским, причем с особенным энтузиазмом поднимается не вопрос их близкой

связи ввиду данных общений и родства, а специфическая концепция, ставящая опять славян в положение некоего производного, на этот раз от балтов.

10. Нельзя не отметить активность отдельных западных ученых в их стремлении переместить район поисков прародины славян куда-нибудь подальше на восток (в район припятских болот, например). Иногда это похоже на тенденцию «вытолкнуть» славян из древней Европы, если угодно – вместе со всеми остальными индоевропейцами…»[25]

* * *

В конце 80-х гг. (сентябрь 1988 г.) Всероссийский фонд культуры выступил с инициативой создания многотомной, фундаментальной «Русской энциклопедии», председателем Общественно-научного Совета Русской энциклопедии стал член-корреспондент АН СССР Трубачёв (11 июня 1992 г. избран действительным членом РАН). Поначалу проект был принят как будто благосклонно: проводились заседания и круглые столы, председатель Совета РЭ выступал в печати, на телевидении в общественных собраниях; в журнале «Народное образование» была открыта рубрика «Русская энциклопедия. Начало пути»; рядовые граждане буквально заваливали редакции журналов и газет письмами с вопросом: «Когда будет Русская энциклопедия?». Кабинет Трубачёва в Институте русского языка на Волхонке напоминал штаб Совета РЭ, к Олегу Николаевичу шли и ехали бесконечные посетители с различными предложениями – одним словом, возникло целое движение «Русская энциклопедия», поддержанное и писателями России, и Международным фондом славянской письменности и культуры и разными общественными организациями – резонанс был немалый. О.Н. Трубачёв был твердо убежден, что в ряду важнейших задач науки стояло создание Русской энциклопедии. В первом своем интервью о РЭ он подчеркнул, что в энциклопедии «должны быть представлены максимально полные персоналии сынов и дочерей русского народа, знатоков и друзей русской культуры в других странах. Если коротко, то это история русского человека в пространстве и времени»[26]. Вспоминая о работе над этим проектом, рязанский профессор Л.В. Чекурин писал: «В многотрудных делах академика О.Н. Трубачёва гражданski значимое место занимает его позиция по созданию Русской энциклопедии, конкретная разработка теории, ее общих принципов и многих деталей. Мы все надеемся, что эта работа по организации и разработке принципов построения Русской энциклопедии будет востребована Россией. [Но тогда] …мы поняли главное, что Русской

[25] На Москва-реке // Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 129–131.

[26] *Чекурин Л.В.* Академик О.Н. Трубачёв и Русская энциклопедия // Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 383.

энциклопедией нельзя не заниматься. “Русская нация, ее история и культура, – отмечал Трубачёв, – оказались как бы растворенными в общесоюзной истории и культуре. Существующие энциклопедии говорят о тех или иных аспектах жизни всего советского народа. А это невольно создает впечатление о том, что русский народ уже исчерпал свою национальную самобытность. <…> Основополагающий принцип РЭ – глубокая демократичность, правдивость, полнота информации. Другой принцип, не менее важный – гуманитарность. *Мы в большом долгу перед человеком в России, поэтому хотим любые знания рассматривать под углом зрения науки о человеке*”»[27] (курс. наш. – *Н.М.*). К сожалению, этот проект, «объемный портрет России», тогда так и не удалось реализовать в силу ряда причин[28]. Однако в 1994 г. вышел первый пробный сборник под грифом «Русская энциклопедия» – «Русская ономастика и ономастика России. Словарь» под ред. О. Н. Трубачёва. В Предисловии редактор отмечал: «Имя собственное (предмет ономастики) – визитная карточка, с нее приличествует начинать знакомство, в данном случае – со страной… Сборник этот первый в своем роде <…> этот труд знаменателен тем, что, пожалуй, впервые выделил задачу полной инвентаризации русского ономастического богатства. Не претендуя на полноту, ономастический сборник РЭ – впервые для универсальных энциклопедий – дает ценнейшую систематическую информацию по целому ряду разделов, практически *никогда* прежде не освещавшихся в энциклопедиях вообще: русские отчества (а ведь сама категория отчества – яркая особенность именно русской общественной культуры!), фамилии донского казачества, традиционные народные названия ветров, клички животных (зоонимия), имена языческих божеств (теонимия) Древней Руси, названия племен и народов»[29]. Предполагавшееся широкое включение ономастического материала в Русскую энциклопедию не имело прецедентов в истории отечественного словарного дела. В частности, и поэтому остается сожалеть, что проект РЭ, которым руководил О.Н. Трубачёв, так и не был осуществлен.

Вспоминая об общественно-просветительской деятельности академика О.Н. Трубачёва, нельзя не сказать о серии его блистательных выступлений на Праздниках Славянской письменности и культуры. С конца 80-х гг. XX в. эти праздники стали общенародными, государственными, хочется верить, что традиция удержится в нашей культурной жизни. В 1988 г. О.Н. Трубачёв побывал в

[27] Там же. С. 384.

[28] Там же. С. 161–165, 371–387.

[29] *Трубачёв О.Н.* Предисловие главного редактора // Русская ономастика и ономастика России: словарь. М., 1994. С. 5.

Новгороде, затем были Киев, Минск, Смоленск, Симферополь, Москва. И везде его речи – по сути, научно-популярные доклады – носили серьезный, весомый характер. В 1992 г. издательство «Наука» выпустило книгу Трубачёва «В поисках единства», в которую вошли выступления на Кирилло-Мефодиевских праздниках в Новгороде, Киеве, Минске и Смоленске[30]; тогда она включала четыре очерка: «Великий Новгород», «Откуду есть пошел Киев… и другие вопросы», «“А кто там идет?” Взгляд на этногенез белорусов» и «Смоленские мотивы». Второе издание пополнилось еще двумя – «К истокам Руси (наблюдения лингвиста)» и «Русский – российский: История динамика, идеология двух атрибутов нации». В третье же издание вошло еще и эссе «Славяне и Европа», а также обширное Приложение (даты жизни и творчества Трубачёва, библиография его трудов и проч.). Во Введении автор определил свою главную задачу – разговор о *единстве* и выделил такое важное понятие, как *русский языковой союз*. Эта проблема остается весьма злободневной и в наше время, кроме того, целый ряд положений, выдвинутых академиком О.Н. Трубачёвым, сегодня звучат как его завещание нам, всем тем, кто, несмотря ни на что упорно продолжает отстаивать и развивать национальные традиции русской культуры, ее самобытность, напоминает о ее величии. Впервые мысль о *русском языковом союзе* была высказана Олегом Николаевичем в 1987 г. на страницах газеты «Правда», в книге же она получила подробную разработку. В частности, Трубачёв напоминал, что «ни одна подлинно великая страна, не кончается там, где кончается ее территория. Значительно дальше простирается влияние культуры великой страны, и это влияние идет практически всегда через ее язык. Знание языка великой культуры пускает корни в сопредельных инонациональных регионах, языки которых при этом связывает с наиболее авторитетным языком макрорегиона целая система своеобразных отношений, которые укладываются в понятие языкового союза, уже относительно давно принятое в мировой лингвистической науке». В Российской империи именно русский язык стал средством самой широкой коммуникации. «Базой языкового союза, особенно такого, с которым мы имеем дело, всегда служит культура. Языковой союз – это масса тождественных по значению и употреблению слов, терминов культурной жизни, оборотов речи, не говоря о прямых заимствованиях. “Дающим” по преимуществу является при этом наиболее авторитетный язык региона, и не надо забалтывать также и эту реальность демагогическими лозунгами уравниловки…

Я говорю о языковом союзе в границах старой России – союзе, который не признает новых лоскутных границ… вижу в этом нечто, в чем можно черпать

[30] *Трубачёв О.Н.* В поисках единства. М., 1992 (2-е изд., испр. и доп.– 1997 г., 3-е –2005 г.).

уверенность, что не все еще пошатнулось и пошло в распыл. <…> Жизнь серьезно испытывает нас, перед глазами постоянно проходят апокалиптические картины общего распада. Давно уже, при чтении одного исторического сочинения мне запомнилась одна пронзившая меня простая мысль о том, что в самую, казалось, безнадежную годину дробления Древней Руси… именно в эту пору… началось *сложение русской народности*. Этот ободряющий пример хотелось бы подольше задержать перед глазами. Он поучителен тем, что отводит материальному относительно скромное место и позволяет оценить истинные потенции духовного в той его части, о которой вспоминают в последнюю очередь… – в языке…

Русский языковой союз – великое и достаточно уникальное культурное наследие, его надлежало бы хранить, а не замалчивать, тем более, что в нем – одна из гарантий сохранения единства страны и ее культуры также в будущем»[31] (выдел. наше. – *Н.М.*).

Прочность такового союза обусловливается еще и тем, что его никто не строил, подобно союзам политическим или торговым, нет! По воле Божией срасталась великая Империя русская – по воле Творца сложился и русский языковой союз, а стало, только по воле Всевышнего, но не человеков, если тому быть, он и исчезнет.

Сегодня, когда уже прошло 20 лет нашего взаиморазобщенного существования, видится, что проблема упрочения русского языкового союза вышла на первый план, и не только на Украине или в Молдавии, но и в среднеазиатском и кавказском регионах. Принудительное внедрение английского языка на пространстве бывшей Российской империи вряд ли принесет положительные плоды. Значительное препятствие тому составляет и наша азбука, древняя кириллица[32]. Однако и на нее успели покуситься радетели глобализации. И характерно, что одно из последних интервью академика Трубачёва как раз касалось вопроса сохранения нашего алфавита, работающего от «финских хладных скал… до стен недвижного Китая». В разговоре с писателем Ю. Лощицем был поднят вопрос о волюнтаристском предложении академика Арутюнова о скором, если Россия хочет войти в круг цивилизованного мирового пространства в век всеобщей компьютеризации, переходе на латиницу (заметим лишь попутно, что известные

[31] Трубачёв О.Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 3–12.

[32] Молдавский язык недавно перевели на латинское письмо, и трудно даже представить, какова ныне социокультурная ситуация в этой республике. Переход на латиницу вырывает православный народ из древней национальной духовной традиции, обрубает корни молдавской культуры для будущих поколений, отрывает от великого наследия русской культуры, с которой самым тесным образом связана культура Молдавии.

временные компьютерные трудности, связанные с кириллицей к настоящему времени успешно разрешены). Трубачёв привел множество аргументов против такого безответственного отношения к национальной истории, русскому языку, к трудам многих поколений отечественных деятелей культуры. Ведь переход русского языка на латиницу одним махом заставит нас отказаться от нашего колоссального духовного наследия, от того, чем жив всякий народ на свете, отказаться от прародителей нашего национального «я». Среди прочего О.Н. Трубачёв подчеркнул: «Да, во всех этих посягательствах, и заявленных вслух, и еще, похоже, припасаемых для более удобного момента, просматривается *какое-то мертвенное неуважение к великим культурным традициям православного славянства и народов, обретших письменность сравнительно недавно или совсем недавно – на основе той же нашей работящей и щедрой кириллицы*. Худшего варианта глобализации, если это она и если это одно из ее проявлений, трудно было бы придумать. Могу ответственно сказать, что *все эти досужие разговоры о преимуществах латиницы и о ее совершенстве есть не что иное как новейший культурный, а правильней сказать, антикультурный миф. Глобализация, не успев еще внятно обозначить на мировой сцене свои подлинные намерения, уже оборачивается массовым обманом и мифотворчеством*» (www.voskres.ru/interview/trubachev.htm). Профессор Е.М. Верещагин, вспоминая о последней встрече с О.Н. Трубачёвым уже в больнице, рассказывает, что их разговор как раз касался этой же самой проблемы. Сначала Олег Николаевич говорил с юмором, который очень скоро перешел в сарказм: «Как еще, однако, много остается народов, алфавиты которых обрекают их на нецивилизованное бытие! Греки, евреи, арабы, народы Индии, японцы, китайцы… Сердцем духовной культуры является язык, а если язык имеет алфавит тысячелетней традиции, на котором написаны и напечатаны миллионы и миллионы книг, то призыв изменить алфавит на поверку оказывается призывом отказаться от всей предшествующей духовной культуры. Что же до России, то даже если ей грозит опасность якобы оказаться за бортом цивилизации, народ (может быть, в отличие от “прогрессивной интеллигенции”) легко свое культурное достояние… не отдаст. <…> древняя церковнославянская основа нашего языка берет начало в Кирилло-Мефодиевские времена, в середине IX в. Посчитайте, уже значит, двенадцатое столетие, как эта азбука с нами. И что же, мы все это проигнорируем в угоду непонятно чему? В угоду какой-то глобализации, которая тоже непонятно что с собой несет?»[33]

[33] *Верещагин Е.М.* Последняя встреча // Академик Олег Николаевич Трубачёв… С. 448–449.

Кажется, бесконечно можно вспоминать и говорить о нашем выдающемся соотечественнике и современнике академике Олеге Николаевиче Трубачёве, чья беспредельная чисто русская искренность и увлеченность, глубокая мысль обнаруживаются в каждом его высказывании. Невосполнима боль утраты и по прошествии восьми с половиной лет, и одновременно бодрит сознание, что имели счастье видеть, слышать его, говорить с *богатырем*. Невольно думается, как много мы не успели спросить у него, какие еще тайны *славянского слова* он унес с собой… разгадаем ли? Ясно одно – великим даром русского духа раб Божий Олег щедро поделился с нами, взыскующими Истины и в науке, и в жизни.

© Масленникова Н.В., 2010

Приложение 1

РУССКИЙ – РОССИЙСКИЙ:
история, динамика, идеология двух атрибутов нации*

Когда меня попросили выступить на тему, мне вспомнились прочитанные несколько лет назад в одном толстом журнале (помнится, это был «Новый мир») посмертные записки одного литератора, вновь ставшего популярным после 1985 г. (помнится, это был Даниил Хармс). Там были, в частности, рассуждения, для меня, лингвиста, досужие и даже невежественные. Может быть, не стоило бы и вспоминать, но я все-таки позволю себе это. Суть рассуждений касалась популярного и сейчас вопроса о «странности» русских: «странным» тому литератору показалось то, что они именуются не существительным, как, якобы, нормально для других народов (*англичанин, немец, француз*), а – прилагательным: *русские*. Однако, имей он чуть больше знаний или просто внимания к небрежно затронутому им вопросу, то писатель, думаю, согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* – прилагательные, а значит, они типологически однородны с нашим самоназванием *русский, русские,* а не отличаются от него, и эту черту, кажется, тоже имеет смысл удержать в памяти вместо того, чтобы соблазняться известным понаслышке.

Наше вступление прямо связано с национально-языковой атрибутикой, которой предстоит заняться. Специфика «русского» случая, к сожалению, не исчерпывается отмеченной простой ситуацией, но, напротив, предъявляет нам свои сложности, суть которых – употребление синонимов. Другие примеры национально-языковой атрибутики

---

* Публикуется по: Сергиевские чтения: сб. статей и материалов / гл. ред. Н.В. Масленникова. М., 2005. С. 98–105; первая редакция статьи: *Трубачев О.Н.* В поисках единства. М., 1997. С. 266–280.

в смысле синонимики, конечно, тоже известны, достаточно назвать *hrvatski ili srpski jezik, испанский или кастильский,* с их известной неустойчивостью. Русская специфика на этом фоне сохраняет свое своеобразие, со своими, подчас неправильно толкуемыми и понимаемыми тенденциями.

Собственно говоря, вначале все было относительно просто. От главного этнонима *Русь*, ðuñü, более глубокой этимологией которого мы занимаемся в других местах[2], очень рано было образовано этническое определение *русский*, ðuñüñêûè с неограниченным полем употребления. Это прежде всего обозначение страны – весьма устойчивое название Ðuñüñêà" çåìë", ср.: Ïîõâàëèìú æå è ìû... âåëèêàãî êàãàíà íàøåh çåìëh Âîëîäèìhðà, âúíuêà ñòàðàãî Èãîð#, ñûíà æå ñëàâíàãî Ñâ#òîñëàâà, ...íå âú õuäh áî è íåâhäîìh çåìëè âëàäû÷üñòâîâàøà, íú âú Ðuñüöh, "æå âhäîìà è ñëûøèìà ~ñòü âüñhìè ÷åòûðüìè êîíüöè çåìëh[3]. И так теоретически – с X в. и более ранних веков, ср. ïî âñåè çåìëè Ðuñüñòåè (Церк. устав. Влад. 12. XIII–XV вв. Картотека Древнерусского словаря, далее – КДРС, из которой почерпнуты в большинстве своем наши сведения, особенно ценные для нас ввиду невключения этнонимов в существующие древнерусские словари). Примеры показывают универсальность употребления слова *русский* от св. кн. Владимира практически до Петра I: ðuñêiå òîâàðû, ðuñêèå ãîðîäà, ïî îðhõu ðuñêîìu âåëè÷èíþ, ñú âåðñnnnnòu ðuñêuþ, çàìîêú ðuññê³é æåëhçíûé, âú ðuñêèõú ñòðàíàõú, ðuññêîå äâîéíîå âèíî, ðuñê³å ëþäè, ðuñêîé ëhñú: cîñíà, tåëü, áåðåçà, äuáú, â#çú, "ñåíü, ð#áèíà, ëèïà, èâí#ãú; êí#çè ðuñòèè, ðuñêèå ñåðåáð#íûå äåíüãè, ìèòðîïîëèòú ðuñüñêûé, êîáûëêà ðûæà ðuñêàÿ, ðuññêàÿ òåëhãà, Ðuññê³é Ïåðå"ñëàâëü (не уточняя датировок, отмечу лишь, что большинство данных КДРС принадлежат к XII веку и другим поздним векам). С этими данными согласны и показания других источников, например, «Памятников южновеликорусского наречия (отказные книги)», изданных С.И. Котковым и Н.С. Котковой (М., 1977. Passim): ðuñèèõú âîðîâú, ñú ðuñêîé ñòîðàíû, íà ðuñêîè ñòîðîíh. Показательна возможность употребления *русский* на самом высоком политическом уровне: Ñëîâî î æèòèè è ïðåñòàâëåíèè âåëèêîãî êí#ç" Äìèòðè" Èâàíîâè÷à, öàð" ðuñüñêàãî (90-е гг. XIV в.)[4]. В духе упомянутой универсальности словоупотребления *русский* могло обозначать и то, что мы сейчас назвали бы церковнославянским переводом грамматики начала XVI в.[5], и явно просторечный, живой «*русской* природной язык» протопопа Аввакума.

---

[2] *Трубачев О.Н.* Русь, Россия. Очерк этимологии названия // Русская словесность. 1994. № 3. С. 67–70 (с дальнейшей литературой).

[3] Иларион, митрополит Киевский. Слово о Законе и Благодати / сост. В. Я. Дерягин. Реконструкция древнерусского текста Л. П. Жуковской. М., 1994. С. 72.

[4] История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 163.

[5] *Worth D.S.* The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. Columbus. Ohio, 1983. P. 76; *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 109.

Все шло к тому, чтобы и последующим нашим векам передать это широкое и незамутненное словоупотребление *русский* наших более ранних столетий, ср.: М.Д. Чулков «Абевега *русских* суеверий», В.А. Левшин «*Русские* сказки» – из предпушкинской эпохи, склонности языка народного бытописания Г.Р. Державина[6], не говоря о языковых предпочтениях самого Пушкина, к чему обратимся специально позже.

Здесь время взглянуть на языковую сторону *вхождения Руси в Европу*, ее, так сказать, *европейской интеграции*, на терминологию этого феномена, который, при обнаруженном к нему интересе, не получил окончательной характеристики. Для прототипов европейского названия нашей страны вполне подходили уже известные *Русская земля*, *Русь*, активно, кстати, употреблявшиеся еще в первой нашей рукописной газете «Вести-куранты» (XVII в.). Ничто не мешало, например, тем же голландцам, перенявшим у нас приблизительно тогда же название забытой Богом *Новой земли – Nowaja Zembla*, перенять и наше главное самоназвание *Русская земля*. Правда, тогда предпочли, по-видимому, перевод, каковым и явилось немецкое *Rußland*, собственно, *Русская земля* и его варианты. Но другой, древнейший вариант нашего самоназвания – *Русь* – очень рано получил в Центральной Европе удобное осмысление как плюраль *Russi*, *Ruzzi* (так у анонимного баварского географа IX в.), совершенно в духе распространенных тогда же и там же других этнических плюралей. Перспектива у этих этнических плюралей была одна – превращение в названия стран на *-ia* книжно-письменной, преимущественно латинской традиции средневековой Европы. Оттуда ведет свое начало название нашей страны в форме *Russia*, ограниченно проникшее и в нашу письменность: ãäcðþ ö$ðþ ² âåëèêîìu ê$íçþ Ìèõàëu Fåäîðîâè÷þ âñå" Ðuñèè... (1626)[7]. Можно сказать, что значительная часть европейских стран сохранила такую форму названия России с того времени: сюда относятся франц. *(la) Russie*, англ. *Russia*. И наши южные братья-славяне зовут нас именем той же формы: сербохорв. *Русија*, болг. *Русия*. Последнее особенно любопытно, потому что как раз с Юга, из Византии, объясняют обычно принятую у нас форму на *-о-*: *Россия* из греч. ☼♦♦♦✠❖♋ (Этимологический словарь русского языка М. Фасмера). Ссылки при этом на канцелярию константинопольского патриарха понятны, по-гречески выглядит и ударение *Росси́я*; ср. «велика часть есть *асiи* / держава в ней и *Россiи*» (Букварь Кариона Истомина. 1694. КДРС). Уже чтение греч. ♦ двусмысленно: возможно *-о-*, возможно в позднее время и в диалектах *-и-*. Дальше весомость обретает европейский контекст, участие в котором Византии – после 1453 г. – все-таки минимально. Европейский контекст достаточно сложный. Начать с того, что необходимо рассматривать совокупность из трех форм: *Россия–российский–россияне*. Кроме нас, вся эта триада представлена у поляков: *Rosja–rosyjski–Rosjanie*. Уже стандартные украинские формы *Росія–російський–росіяни* едва ли имеют большую временную глубину и, возможно, навеяны польским. «Малоруско-нїмецкий словар» Е. Желеховского и С. Недільского (Львів, 1886) дает только *руський*, *руский* (значения опускаю), но не знает ни *російський*, ни *росіяни*. Остается добавить, что для белорусов мы по-прежнему *рускія* мн., *русские*, и это тоже архаизм.

Остальное – инновации, целая группа инноваций.

---

[6] История русской литературы. Т. 1. С. 605, 644.

[7] Вести-куранты. 1600–1639 гг. М., 1972. С. 73–74.

Заимствованный, в основном западный, характер названия *Россия* довольно очевиден, об этом говорит удвоение *-ss-* как позднелатинский способ нейтрализации озвончения интервокального *-s-* (исходная греческая запись ☐☧☺⇦☼◆↖ обладает одинарной сигмой). Ударение «греческого» вида тоже не очень показательно ввиду реальности старопольского *Rosyja*, типа *Azyja–Azja*, как о том говорит производное от него *rosyjski*. Так что все сводить к влиянию русской формы на польскую, как делает Фасмер, вряд ли убедительно. В названии *Россия* представлено искусственное образование (ср. Этимологический словарь польского языка А. Брюкнера), следы которого ведут на Запад. Любопытно, что думал на этот счет Даль (Толковый словарь живого великорусского языка): «только Польша прозвала нас *Россией, россиянами, российскими*, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем *русский*!»

КДРС не знает *россиян* раньше эпохи Петра, зато потом они встречаются у Ломоносова в рассуждении о «высоком штиле»[8] и у Карамзина в сочинении «Из записок одного молодого *Россиянина*»[9]. Печать искусственности лежит и на этом образовании, несмотря на то, что модель на *-(j)aninъ* вполне славянская.

Обращаясь к слову *российский*, отметим его нехарактерность для живого среднего стиля. Ни в одном из известных мне четырех томов «Вестей-курантов» с 1600 по 1650 год *российский* не отмечено ни разу, безгранично господствует *русский*, идет ли речь о простых людях, боярах, послах, царевнах, гонцах, рубежах, подданных. Ср. то же по данным книги С.И. Коткова «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв.». (М., 1970. Passim). Искусственный атрибут *российский*, напротив, зарекомендовал себя сначала претензиями на высокое, «царское» словоупотребление, ср.: адресат послания Иоанна Грозного «во все *Российское* царство» (1564)[10], «Новая повесть о преславном *Российском* царстве» (1610–1611)[11], «благолепие *российское*» (Сказание Авраамия Палицына. 1620. КДРС), «Царство *Россійския* державы» (Космография. 1620. КДРС), «*Росийское* государство» (Грамота Михаила Феодоровича. 1614. КДРС; Сочинение Г.К. Котошихина. 1667. КДРС). Вместо *Рускую* землю читаем «*Росискую* землю» (Волоколамский патерик 2. КДРС). Наблюдается распределение: ê$íçåè ðîñèèñêèõú, но ðuññêèõú ëþäåè, w ðuñêèõú âåñò"õú[12]. Дело порой доходит, явно вторично, до смешения: ãðàìîòêu... ðîññèéñêèìú ïèñüìîìú, ãðàìîòêè ðuññêèìú æå ïèñüìîìú (Посольство Толочанова: середина XVII в. КДРС). Причем *российское* равно *русскому* и семантически, и функционально. Выученик Славяно-греко-латинской академии Ф. Поликарпов помещает в своем «Лексиконе» (1704) характерное: *Рускій, зри рωссійскій*, последнее же находим у него как бы в дополнениях пропущенных слов: w7ñòà1âëüøà#ñ# ðå÷å1í¿#: ðwññ³éñê¿é, ❒☺⬧⬧☧&☋1↖, rutenus[13]. Явная

[8] История русской литературы. Т. 1. С. 536.

[9] Там же. С. 748.

[10] Там же. С. 282.

[11] Там же. С. 300.

[12] Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969. Passim.

[13] *Polikarpov P.* Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium trilingue. Moskva. 1704. Nachdruck und Einleitung von H. Keipert, O. Sagner. München, 1988 (= Specimina philologiae slavicae Hrsg. von O. Horbatsch, G. Freidhof und P. Kosta. Bd. 79). S. 598, 798.

избыточность атрибута *российский* благоприятно сказалась на его карьере, в унисон патетическому сочинительству и сочинителям. Этой моде, удаляющейся от ровного стиля посольской канцелярии, воздали обильную дань на рубеже эпох многие, в их числе и Поликарпов, от дальнейших опытов которого разумный Петр ждал «не высоких слов славенских, но простого *русского* языка». Известно, что И.А. Мусин-Пушкин так сформулировал Ф. Поликарпову критику царя: «Посольского приказу употреби слова»[14]. Но дело было сделано, и совершенно избыточное *российский* начало свой триумфальный ход уже не только в витиеватом высоком стиле, но буквально вытесняя атрибут *русский* в его фондовых значениях, и если Кантемир еще пишет о «сложении стихов *русских*», а Сумароков – о «*русском* языке» и Тредиаковский – о «простом *русском* языке», то Ломоносову этого явно недостаточно, он заявляет «о правилах *российского* стихотворства», пишет «*Российскую* грамматику», говорит о «*российском* языке». Мода на все *российское* наступает в патетическом и героическом XVIII в. широким фронтом от комедии Ф. Журовского «Слава *Российская*» (еще при жизни Петра), «Истории *Российской*...» В.Н. Татищева, «*Российской* земли» в известной оде Ломоносова (1747) вплоть до *российских* матросов и *российских* кавалеров, героев популярных повестей. Сюда же, разумеется, относятся «Древняя *Российская* вивлиофика» и «Опыт исторического словаря о *российских* писателях» просветителя Н.И. Новикова, словоупотребление «*российский* гражданин» у Княжнина и такой венец искусственного словотворения, как название национальной героической поэмы М.М. Хераскова «*Россияда*». Нельзя пройти мимо опытов трактовки также и всего древнерусского, как *древнего российского*, так что есть повод говорить не только и не столько об извитии словес и патетике, но и о своеобразной модернизации. Составители первого тома «Истории русской литературы» (Л., 1980) почему-то так и не заметили, что в этом вытеснении *русского российским*, о чем в этой «Истории» вообще ни слова, обозначилась тенденция смены общественной парадигмы, как мы назвали бы это сейчас. О какой смене общественной парадигмы идет речь – это вопрос, уже выходящий за рамки моего нынешнего сообщения, но остается фактом эта тенденция, это мироощущение, пришедшее вместе с XVIII в., когда ряду отечественных деятелей стало как бы тесно в *Русской земле*, их манили, как Карамзина, «священный союз всемирного дружества», «всех братьев сочеловеков»[15].

Опыты вытеснения *русского российским* того времени легли на почву, а точнее сказать, на арену обширной деятельности иллюминатов, просветителей, попросту говоря, масонов. У Екатерины II были, видимо, свои резоны увидеть в этой деятельности не одну лишь пользу. Важна ли была борьба синонимов *русский–российский* на общем, казалось, неизмеримо более значительном общественно-историческом фоне, и, короче, заметил ли кто-нибудь вообще ту игру синонимов, или все прошли мимо, так ничего и не заметив, как наши литературоведы, по XVIII в.? Нет, все оказалось гораздо тоньше и многозначительнее. По-настоящему великие деятели и художники доказывают это нам практикой своего творчества. Это и «народ *русский*» как субъект карамзинской «Истории государства *Российского*» и его же «Письма *русского* путешественника». Радищев, язык кото-

[14] История русской литературы. Т. 1. С. 380.

[15] Там же. С. 748.

рого считают «темным», в предельно ясной форме высказался о *русском* человеке как вершителе Истории *Российской*[16].

И, наконец, подлинное раскрытие всей искусственности эксперимента с *русским–российским* XVIII в. смог дать нам, как мы того и ожидали, наш Пушкин. Мы смеем это утверждать, даже не имея возможности обратиться именно сейчас к картотеке Большого академического словаря в Петербурге, но располагая, к счастью, «Словарем языка Пушкина», фиксирующим количество словоупотреблений. И вот результат: в языке Пушкина *российский* – прил. к *Россия*: русский – встретилось 53 раза, а *русский* как прилагательное и существительное в общей сложности – 572 раза, в десять раз больше! Пушкин сам, будучи сыном XVIII в., не обманулся поверхностной модой предшественников, кстати, им высоко чтимых, и показал, что он также и в этом разумный консерватор. *Россиянин* же у Пушкина отмечено только в десяти примерах.

Я резюмирую эту часть своих наблюдений над терминологическим феноменом вхождения нашей страны в Европу, считая долгом отметить, что при всей искусственности терминов *Россия, российский* наши далекие предшественники в общем правильно восприняли их как символ нашей европейской интеграции, иначе трудно было бы понять остальное, отмеченное выше. Но спрашивается, было ли это единственно возможным способом? То, что это не так, показывает опыт других стран, дальних и ближних. Германия, например, сохранила свое старинное и очень национальное самоназвание *Deutsch-land,* букв. *Народная земля*, латинское *Germania* немецкая культура применяет лишь в смысле «Германии» Тацита; Англия сама себя по-прежнему называет *Английской землей, землей англов, Eng(l)-land,* а не *Anglia* по-латински, т.е. по принципу *Русская земля*, хотя названия стран и областей по латинской модели на *-ia* широко популярны в англоязычной культуре, ср. названия американских штатов Pennsylvan*ia*, Georg*ia*, Virgin*ia*. Обратимся к славянским странам и с интересом отметим, что самая латинизированная из них, Польша, как раз продолжает именовать себя по принципу, оставленному нами, *Polska* (scilicet *ziemia*) – *Польская* (*земля*)! По такому же славянскому принципу называется соседняя Словакия – *Slovensko.* Нашу Россию там называют *Rusko.* Несмотря на мощное влияние западных соседей, Чехия так и не приняла латинское название *Bohaemia.* Хорватия, именуемая нами (и всей Европой) по образцу латинских названий стран на *-ia* (в частности, *Croatia;* точно так же мы «латинизируем» Чех*ия*, Словак*ия*, прежде – Чехословак*ия*), упорно сохраняет славянский способ самообозначения *Hrvatska.* Аналогично, на *-ska*, оформлялось в старину и название Сербской земли и Болгарской, в новое время мы имеем там *Србија* и *България,* что напоминает нам известные центрально-европейские инновации на *-ia*, но пикантность вопроса в том, что на Юге нельзя исключать воздействия не только однотипных греческих образований на -♓❖♋, но и, скажем, турецкого самоназвания *Türkiye* – Турц*ия* (при всей возможной неясности отношений последнего к центрально-европейским названиям стран на *-ia*).

Чему еще может научить нас славянский и славистический опыт? Сербские образования *србијанац – серб из внешних, более отдаленных областей*, сюда же *србијански, србљанин*, lingua seruiana – *сербский язык* (в письменности Дубровника XV–

[16] Ср. цитату из «Путешествия…» Радищева: *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 96.

XVIII вв.), способны, наконец, подсказать нам правильное употребление нашего *россиянин*, история которого, разумеется, не кончилась полтора века назад. Хуже того, и *россиянин*, и *российский* сейчас, может быть, как никогда употребляются крайне неточно. Небрежностью это можно назвать далеко не всегда и уж, конечно, не в тех случаях, когда оба слова – *россиянин* и *российский* – наделены отчетливой идеологической, политической установкой – вытеснить, заменить слово *русский*. Довольно длительное время вытеснению *русского*, как известно, служило и великолепно использовалось *советское*. Сейчас это прошло, но *русское* восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно создаваемыми трудностями, и на сей раз препоны русскому возрождению чинятся весьма искусно с помощью ставших модными *россиян* и всего *российского*, вплоть до отдельных ведомственных предписаний употреблять *российский* вместо *русский*. Если еще принять во внимание, что на всех углах нам твердят со всей мощью СМИ о вхождении в новую Европу, и мы имеем дело с очередной европейской интеграцией, то параллели из прошлого, рассмотренные выше, могут пригодиться. Не повторяя подробно то, что писал или говорил по этому поводу в других местах, все же укажу на концептуальность атрибута *русский*: *русский язык*, *русская литература*, *русская культура*, *русская языковая картина мира*, наконец, *русский языковой союз*, о котором я также писал, но здесь не могу отвлекаться. Всего этого с точностью не выразить словом *российский*, не вызвав непоправимой подмены понятий, не совершив грубой языковой ошибки. Между словами *российский* и *русский* отсутствует отношение взаимозаменяемости; *русский* этнично, а *российский*, благодаря своей прямой зависимости от *Россия*, имеет сейчас свой, только ему присущий, административно-территориальный статус. В отличие от *русского российский* и *россиянин* к тому же шире (может включать и *нерусского россиянина*), семантически расплывчатее (возможно, этим и привлекает мозги, работающие на европейскую интеграцию).

Какая бы то ни была интеграция, запрограммированная на дезинтеграцию (в нашем случае – России), вызывает у нас глубокие сомнения. Именно среди нынешних апологетов *российского* (за счет *русского*) приходилось встречать деятелей, способных (при обсуждении закона о языках сначала – РСФСР, потом – Российской Федерации) поступиться и государственным, и международным статусом русского языка во имя порой совершенно мифических суверенитетов. Наблюдаемая рецессивность словоупотребления *русский* в пользу *российского* является плодом подобного просвещения. Пример: высокий государственный деятель в стране на протяжении нескольких лет так и не решившийся публично произнести слово *русский* (разве что за исключением одиозного упоминания про «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»). Я готов, впрочем, допустить, что мы имеем дело в повседневной практике не с одними только проявлениями недоброй воли и тенденций растворить *русское* в «*российском*». Не меньше случаев простого недопонимания и именно с ними нужно работать и разъяснять. Я допускаю, например, что языковое (и прочее) различие между *русский* и *российский* часто просто не понимают на Западе, как не понимают его и наши расплодившиеся доморощенные переводчики с английского, когда переводят, например, *Российская Федерация – Russian Federation*, адекватно только – *Federation of Russia* (иначе получается – *Русская федерация*).

Можно продолжить изучение оппозиции *русский–российский* (а мы имеем в настоящее время оппозиционную пару терминов) и дальше в плане лингвистической

теории и типологии, в плане языкового перевода, приравняв, например, более широкое *российский* к нем. *ungarländisch* (параллельного *rußländisch как будто еще не существует), а более специальное *русский* – к нем. *ungarisch*, имея в виду то, вполне подходящее как параллель, обстоятельство, что и старое королевство Венгрию населяли не одни венгры, но и словаки, хорваты, валахи.

Позволительно взглянуть на оппозицию *русский–российский* как на оппозицию по семантической маркированности, когда один из терминов – маркированный (иначе – признаковый, интенсивный), а другой соответственно – немаркированный (неотмеченный, беспризнаковый, экстенсивный). Похоже, в нашем случае маркированным будет *русский*, более определенный, четкий термин, а немаркированным – более расплывчатое, менее четкое *российский*. Наше наблюдение кажется нам небесполезным, тем более, что один из исследователей проблемы маркированности отмечает со своей стороны, что именно маркированность относится к числу наименее инвентаризированных формальных признаков языка. С автором (а это был датско-американский лингвист Х. Андерсен) нельзя не согласиться, потому что о нашей терминологической паре *русский–российский* он, например, даже и не думал, когда изрекал эти справедливые суждения: «... отношения маркированности присутствуют во всех случаях, где язык предоставляет своим носителям возможность выбора»[17]. А в нашем случае такой выбор, безусловно, есть!

© Трубачев О.Н., 2010

Приложение 2

Беседа академика О.Н. Трубачева с Высокопреосвященным Игнатием, епископом Петропавловским и Камчатским*

Преосвященный Игнатий, епископ Петропавловский и Камчатский (далее – И.П-К.): Сегодня у нас в гостях академик РАН, председатель Национального комитета славистов России, главный редактор журнала «Вопросы языкознания», член-корреспондент нескольких зарубежных академий и обществ и просто очень интересный человек – Олег Николаевич Трубачев. Его «путешествия» за словом позволили ему заниматься глубокими проблемами языкознания, истории языка, лингвистики, но я полагаю, что эта встреча будет исключительно интересна и для наших телезрителей, для

[17] *Andersen H.* Markedness Theory – the first 150 years – Markedness in Synchrony and Diachrony / ed. by O. Mišeska Tomić. Mouton de Gruyter. Berlin; N.Y., 1989 (= Trends in Linguistics: Studies and Monographs 39 / ed. W. Winter). P. 41.

* Незадолго до кончины, О.Н. Трубачёв посетил Камчатку, где прочитал несколько лекций в университете; кроме того дал интервью местному телевидению (запись беседы расшифрована В.В. Богатовым; публикуется по: Новая книга России. 2003. № 1. С. 24–26; 2003. № 2. С. 28–30).

нашей паствы. Я сам из нескольких предварительных бесед с Олегом Николаевичем извлек чрезвычайно большую пользу.

Ведущая (далее – В.)**: Олег Николаевич, попросим Вас продолжить слова Владыки и рассказать о круге Ваших интересов, о себе подробнее.**

Трубачев О.Н. (далее – О.Т.): Что ж, коротко, но с некоторыми подобающими подробностями. Я – академический работник. В рамках своей научной дисциплины – сравнительно-исторического языкознания, славянского языкознания – занимаюсь в основном фундаментальными проблемами с большими выходами и вдаль и вглубь, в индоевропейское языкознание. Будучи словарником, изучаю лексический состав не только русского, но и всех родственных ему языков. Их довольно много – мы насчитываем сегодня 15 живых и мертвых, больших и совсем маленьких славянских языков. Вот из этого материала я и мои ближайшие сотрудники стараемся выделить, как это принято называть, древний, т.е. праславянский лексический фонд, и ему посвящаем составляемый нами уже больше четверти века «*Этимологический словарь славянских языков*». К слову сказать, об определении «этимологический». Мы занимаемся этимологией, которая представляет собой науку о происхождении слов, развитии их формального облика и их наполнения (т.е. семантики, значений слов). Этому посвящены наши труды, в общем-то, довольно успешно издаваемые, несмотря на все приключения и треволнения, происходящие сегодня на наших глазах и порой к нашему ужасу. К настоящему времени вышло 26 томов (или выпусков) Словаря. Кроме того, вокруг него производится большая околословарная работа: выходят статьи, исследовательские разработки, целые монографии. Одна из моих книг называется «*Этногенез* (т.е. происхождение народов, народа) *и культура древнейших славян*». Она вышла в 1991 г., но скоро, думаю, будет переиздана. Там, к слову сказать, обсуждается очень важная и нужная для нашего с вами русского национального самосознания проблема – прародина славян: откуда мы, кто мы? Я против старой точки зрения, допускавшей, что славяне могли происходить из Азии, и даже против некоторых других более или менее промежуточных теорий. Идея, которую я отстаиваю и разрабатываю с 1958 г., – теория извечного пребывания, проживания славян в Центральной Европе. Она рассматривает Дунайскую прародину славян, живших в довольно тесной близости к более западным, другим индоевропейским племенам – германцам, древним латинянам (или италикам), кельтам. Эти проблемы, глубоко и меня интересующие, конечно, имеют свою специальную подоснову и целый аппарат, аргументацию исторических и фонетических переходов, изоглосс, то есть связей слов наших славянских и других родственных языков и т.д., и т.п. Иногда речь идет о родстве, порою – о влияниях или заимствованиях слов. Но меня утешает и радует во всем этом то, что эти проблемы, как мне кажется, представляют интерес и важность не только для узких специалистов, но и для нашего национального самосознания. И именно сегодня, когда имеет место некоторое размывание нашего национального самосознания и тот ущерб, который при этом наносится и чувству нашего национального достоинства. Этому надо противодействовать и, наоборот, способствовать

усилению и выделению положительного в истории нашей культуры, нашей древности. Особенно в контексте того, что ряд ученых с неменьшей ревностью развивает теории, подчеркивающие некоторую вторичность, дочерний характер тех же славянских языков в отношении каких-то других, к примеру, балтийских.

В.: Если я не ошибаюсь, Вы знаете достаточно большое количество языков (измеряемое десятками), которое необходимо, чтобы вести поиски прародины славян и другие исследования?

О.Т.: О, нет, откуда взялись десятки! Вообще я человек, пусть и грешный, но, как мне кажется, все-таки строгий к себе и не преувеличиваю своих знаний, которые призваны практически обслуживать мои научные интересы. Понятно, что по роду деятельности я неплохо ориентируюсь практически во всех славянских языках, это и умение на них объясняться, писать; необходимо также знать и пять-шесть стандартных западноевропейских языков (в частности, английский, немецкий, французский), уметь читать на итальянском, испанском. Знание некоторых других языков, помимо вышеперечисленных, нужно бывает в моих занятиях сравнительно-историческим языкознанием, часто необходимы литовский и практически все балтийские языки.

Были у меня в прошлом некоторые занятия венгерским и финским, любопытные для слависта-индоевропеиста, потому что это иноструктурные языки. Затем я определенное время занимался армянским, грузинским, ивритом, но все это было оттеснено другими насущными занятиями. Когда я исследовал скифские проблемы, надо было познакомиться с иранскими, индийскими и другими древними языками.

Конечно, есть мнение: для того, чтобы быть серьезным языковедом, не обязательно быть полиглотом и считать языки десятками. С ними надо работать по необходимости, когда берешься за такую тему, как поиски прародины славян.

В.: Олег Николаевич, продолжая разговор, хотелось бы коснуться сегодняшнего положения России. Ведь мы в какой-то момент начали терять свои территории, своих братьев-славян. На Ваш взгляд, возвратится ли то положение, в котором мы были еще несколько лет назад, когда Россия была единым, многонациональным государством?

О.Т.: Что сказать – будет или не будет? В какой-то мере это прогнозирование, причем проблем не моей компетенции, вопрос, скорее адресованный к политикам, которые тоже, порой, не очень сильны в области прогнозирования, не говоря о том, что кое-кто из них приложил руку к тому, чтобы это единство развалить. Конечно, в рамках России или бывшего Союза предпочтительнее говорить о тех главных ориентирах, которые способны обеспечить нашу цельность, наше единство, наши добрые связи. Это прежде всего три славянские республики – Россия, Украина, Белоруссия. Как одно из положительнейших явлений я воспринимаю тенденции, весьма часто торпедируемые, но очень здравые – возврата к идее воссоединения России с Белоруссией. Они имеют широкую поддержку в самом белорусском обществе. Ясно, что речь идет о близко родственных в языковом, историческом, да и во всех остальных отношениях народах и

языках – русском и белорусском. Хотелось бы почти то же утверждать и об Украине, но там слишком велико бремя негативных явлений и идеологических наработок со стороны противников единения. Поэтому в то время как по-прежнему сильны связи русской и украинской культур, весьма сильны и центробежные явления, которые если не удаляют (дальше, видимо, и некуда, и нельзя, и не нужно), то держат на каком-то расстоянии Россию и Украину, понуждая тамошних политиков иной раз кривить душой, отстаивая эту самостийность, непонятно, насколько нужную и полезную ли для самого украинского народа. Сейчас нет никакой русификации, но ведь объективные данные говорят, что на одну-две украинские книги приходится пятьдесят русских. Все равно значение русской культуры огромно и может быть приравнено к хлебу насущному – и для украинского народа. Сопереживая этим процессам в принципе, я могу заниматься ими профессионально во время своих лингвистических досугов. Кстати, фундаментальную работу, которая находится в центре моих интересов, – «Этимологический словарь» – привезти сюда я не мог, да и не намеревался – это многотомное издание. А книги типа «*В поисках единства*» – это лингвистические досуги. В этой небольшой книжечке собрано довольно много значительного, в частности в отношении белорусского языка и культуры, белорусского, а также украинского этногенеза. Здесь мои звучавшие год за годом выступления на весьма важных, капитальных для нашей культуры, для нашего национального и религиозного самосознания мероприятиях – Днях равноапостольных Кирилла и Мефодия, Днях славянской письменности и культуры. Они отмечаются каждый год вокруг 24 мая (11 мая по старому стилю), начиная с 1988 г. – великого празднества тысячелетия Крещения Руси в Новгороде, где я произнес что-то первое, так сказать, привлек к себе внимание. Затем последовали выступления в Киеве, Минске, Смоленске и других городах, которые потом вошли в книжечку, не случайно названную «В поисках единства». Единства и внутри русского языка – ведь оспаривается даже это единство. Есть такое, на мой взгляд, преувеличенно муссируемое представление, что оно-де сложилось вторично из элементов северных и южных говоров, например, новгородских и киевских, которые будто бы вторично сблизились. Я оспариваю эту версию и, как мне кажется, имею на это право; намереваюсь и продолжить обсуждение в третьем издании книги «В поисках единства: К истокам Руси».

Вот кратко и о моих лингвистических досугах, и о том важном для нас единстве внутри самого русского языка и этноса, внутри ближайшего родственного конгломерата русского, украинского, белорусского. Из словарного дела всегда есть много выходов в весьма общие и насущные проблемы. Вот у меня в руках весьма импозантный четвертый (последний) том моего перевода (с моими же дополнениями) «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера. Это тоже, в сущности, раздумья об истоках Руси. Фасмер, или иначе – Максимилиан Романович Фасмер, происходил из обрусевших петербургских немцев. Он был действительно любителем всего русского – это, в сущности, и стало его специальностью, во многом совпадающей с моей. Он на немецком языке составил «Этимологический словарь русского языка», который был первоначально

издан в Гейдельберге (Германия) в 1950–1958 гг. Мировая общественность немедленно обратила на него внимание. Фасмер был избран почетным членом нашей Академии. Самый факт выхода такого труда за пределами России – это ведь нам не минус, а как бы плюс, поскольку это есть проявление важности, общемировой ценности русского языка, русской культуры, которая воплотилась в трех томах первого немецкого издания. Я делал его перевод в молодые годы (в это время мне было около тридцати лет) и довольно много дополнил – в русском издании получилось не три, а четыре тома. У меня в руках уже третье издание этого словаря. Оно по-прежнему нужно, о чем свидетельствует тот факт, что Словарь издан хорошим тиражом. В двух-трех словах это можно охарактеризовать как проявление нужности и важности немецкой и русской культур друг для друга, а также хорошей солидарности в науке, которая помогает жить мыслями о прародине славян ученым в Москве и ученым в Гейдельберге, Геттингене, Бонне.

И.П-К.: Олег Николаевич, мы с Вами говорили о том, как важен и каким авторитетом пользуется русский язык за рубежом. Мы также знаем, каким высоким уважением пользуется русская классическая литература. Ведь зачастую иностранцы знают о России не по нашим научным изысканиям, а по нашей литературе. Не стоит ли обратить внимание на то, что наш язык восходит в значительной степени к церковнославянскому языку, и на всей нашей культуре лежит печать этого языка? Не в результате ли этого мощного, духовно богатого синтеза языков родилась наша литература? Сейчас мы являемся свидетелями того, как наш язык становится менее выразительным. Не оттого ли сейчас нет писателей такого уровня, как Толстой, Достоевский, Чехов?

О.Т.: Конечно, это общее культурное явление, большой феномен. Русская культура, русский язык, как всякое другое общественное явление, способны переживать полосы большого подъема, расцвета, причем такого масштаба, что это привлекает и притягивает взоры всего мира, всего культурного человечества. Но наряду с этим бывают и полосы если не упадка, то относительного торможения, полосы загрязнения. Однако при этом все или многие начинают говорить об англицизмах, американизмах и пр. Такие полосы были, есть и, наверное, будут. Во всяком случае, они в какой-то мере естественны, потому что герметичных, закрытых культур на свете не так уж много, хотя, возможно, и есть (например, в определенной мере восточные культуры, где проницаемость заимствований мала или просто невозможна). Раз культура открыта влияниям, ей свойственна открытость, всемирность. Это и всесветность русского человека, которую отметил Достоевский. Разумеется, она имеет свои положительные и отрицательные стороны. Заимствования проникали и проникают в русский язык. Была полоса, когда культурное (оно же дворянское) общество говорило на французском языке. Но почти тогда же начали выходить и блестящие русские произведения высочайшего эстетического уровня. Та же пушкинская пора – при том, что Пушкин великолепно чувствовал себя и во французской языковой стихии, а в лицейские годы даже сподобился клички *Француз*. Не хочется сбрасывать со счетов и XVIII век, который тоже был по-своему великолепен.

Потенции русской культуры и литературы огромны. После Пушкина – это то, что называют «золотым веком» русской литературы: Толстой, Достоевский, предшествующий им Гоголь – «несть им числа». И мы до сих пор живем этим наследием. Конечно, определенную роль сыграло принижение языка западниками, потом революционное понижение культурного уровня, революционная смута.

Что происходит сегодня? Сейчас имеет место некая неразборчивость в средствах, в том числе и языковых. То, что Солженицын нарек «образованщиной»: вроде бы все грамотные, но в этом образовании еще надо разобраться, что хорошо, а что плохо. Интеллигенция, не будем этого скрывать, повинна во многом. Одно из таких негативных явлений – больно об этом говорить – некоторое «приблатнение» языка интеллигенции, интеллигентского фольклора, «песенок», поделок бардов. «Приблатнение», щеголяние языком и «словечками» того, что называют «зоной». Это все, конечно, не развивает и не возвышает наш язык. Но хочется верить, что и не способно его сильно испортить. Потому что язык – это глыба, это океан (сравним его с Тихим океаном), и он имеет огромные глубины. Есть пена и есть на самой поверхности некое волнение, а есть такие глубины, где в это же время стоит тишина. Так что русский язык глубок и многослоен, и хочется верить, что он выживет во всех обстоятельствах. Не всем языкам это дано, потому что есть этносы, народы и государства, где национальные языки сильно уступают свои позиции. Так бывает. И они остаются этносами даже при многократных потерях своих позиций, своих языков. С русским языком этого все-таки не происходит. Вообще Россия – удивительная страна. Я тут говорю не о своей науке и ее специфике. Как-то мне об этом уже приходилось высказываться. Потенции России неисчерпаемы. Когда начался парад суверенитетов, отпали от нас – поторопились отпасть – Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия и – зачем-то и почему-то – славянские Украина и Белоруссия. И все равно Россия колоссальна! Она имела 22 млн км2, сейчас ее площадь 17 млн км2. По-прежнему с русским языком можно дойти от Балтийского моря до Тихого океана, по-прежнему она территориально самая великая страна мира. Но, конечно, не только это важно. Важно и то, что и культурно она великая страна – как бы то ни было. Этому не дано исчезнуть. Я лично верю в лучшее. А некоторое наше обмирщение, загрязнение языка воспринимаю философски.

В.: Олег Николаевич, а в чем все-таки сила России? Вы уже начали говорить об этом, и мне бы хотелось, чтобы мы продолжили эту тему, касаясь особенностей национального проявления языка и мышления.

О.Т.: Перечислить по пунктам, в чем сила России – вопрос трудный, и, может быть, мне сейчас сегодня не по плечу, а потому соглашусь и вас приглашаю согласиться с поэтом:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

И, кроме стати, конечно, – язык, и не в последнюю очередь то, что написано на языке. Здесь проявляются многие особенности русского этноса, самосознания, мироощущения. Я размышлял над этими вещами и с удовлетворением отмечал, что и другие (раньше меня) об этом задумывались, сделав вывод, как Флоренский о нас с вами: «Мы – народ софийный». София – Премудрость Божья. Это вспоминается и в связи с нашими первоучителями славян. В Житии Константина (Кирилла) сказано: «Явилась ему во сне дева, прекраснее всех, по имени София – Премудрость Божья, и ее он возлюбил». Это восходит к давним истокам, в данном случае к кирилло-мефодиевским: софийность, приверженность к мудрости, к премудрости в высоком понимании, очевидно, и в божественном. И это – один из параметров русского национального самосознания, силы России. Как бы плохо кто-то о нас ни говорил, что «русский мужик задним умом крепок» и прочее, все же софийность – одна из наших духовных черт. Кроме того, не герметизм, а космизм, широта русского национального сознания. Ведь в мире скорее преобладает не широта, а ограниченность национального сознания. Куда ни поеду, куда ни пойду – ограниченность национального самосознания многих других весьма почтенных наций заметна. Так что о широте русского человека и одновременно о способности понять других говорят не просто так. Высококультурные и почтенные немцы, имея обширную и старую лексикографию, массу немецких энциклопедий, на моих глазах обнаруживали узость и непонимание. Они привыкли считать, что они правильнее других и все понимают, а способности сделать шаг навстречу и задуматься, что, к примеру, другой народ не менее вашего способен что-то тонко понять и даже выйти за рамки своей национальной ограниченности, у них не чувствуется.

В.: Не так давно – и в XIX, и в XX в. – заходил разговор о том, что придет время, когда русский язык станет общемировым языком. Но существует мнение, что русский язык своими корнями уже давно уходит в другие языки. Как вы это расцениваете?

О.Т.: В этой области гуляет много дилетантских «умствований», это тоже всегда было, есть и будет. Были времена, когда все языки возводились к древнееврейскому. Сейчас весьма сильно убеждение, что всемирным языком является английский. Действительно, с английским языком можно объясниться довольно широко в разных странах. Некоторые считают, что современный русский язык теряет какие-то свои позиции. Кроме того, «патриоты» порой задаются мыслью доказать, что все из русского языка и что русский язык первичен. Иногда это принимает смешные или уродливые формы: правда, не у нас, а на той же Украине находятся люди, при широком одобрении способные утверждать, что украинским языком-де пользовались всегда и он восходит к временам чуть ли не за три тысячи лет до нашей эры, когда на Украине была Трипольская культура. Конечно, это дилетантизм, это неточно. Украинский язык вторичен. Есть черты вторичности, вторичного развития в каждом ныне существующем живом языке. Но это сосуществует с одновременно наличествующими очень древними корнями, составными частями и элементами. Так, в русский язык и его лексический состав входят славянские

древности. Если завершить разговор о своеобразии русского миросозерцания, мироощущения и самосознания, то можно предварительно говорить о трех параметрах культуры, два из них я уже назвал – это софийность и космизм, всесветность русского человека (по Достоевскому), устремленность к мудрости; а еще – соборность. Это, говоря грубо, – коллективизм как оппозиция западному индивидуализму и усиленному протестантизму. Все это вторгалось и вторгается в нашу жизнь в виде проповеди самообогащения, эгоизма, индивидуализма. И, тем не менее, многое разбивается о нас, о наши этнические устои. Главные из этих параметров соответствуют христианству. Прикровеность, прикрытость этого довершает в какой-то мере дело недругов всего русского. Знаете, что происходит в науке филологии (не только и не столько в языкознании, сколько в литературоведении): какой-то бесконечно муссируемый миф, что Россия – страна многонациональная, многоконфессиональная. А ведь Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена русскими. Пусть русский этнос, русский народ переживает не лучшую пору, и даже смертность у него выше рождаемости, но все-таки – по научным воззрениям – если страна на восемьдесят пять процентов населена каким-то этносом, она в принципе называется однонациональной. Как бы пестры ни были остальные пятнадцать процентов (в России около ста других народов), Россия – однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими, проще говоря, «идеологическими диверсантами». Определенными влиятельными литературоведческими школами высказывалось, что даже Древняя Русь была и многонациональной, и многоконфессиональной. Тем более это вовсю утверждается о нынешней России, где порой стараются облагодетельствовать иудаизм, ислам, буддизм и выстроить все в одну линию. А ведь Россия – страна православная: была, есть и будет даже после такого внушительного советского семидесятилетия. Россия, как писали наши журналисты в начале перестройки (Александр Казин), не буржуазная страна ни духовно, ни социально, предпринимательство, выгода не освящены православной духовной традицией, и западная либерального типа демократия для нее искусственна, а сейчас и сами западные журналисты, например, Рар, пишут, что здесь «демократические реформы не пошли, потому что Россия – страна православная», у нее другие устои и ценности.

© Трубачев О.Н., 2000

© Масленникова Н.В., подготовка материалов к печати, 2010